

В.И. Модестов

**Литература при Калигуле,
Клавдии и Нероне**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.И. Модестов**
Литература при Калигуле, Клавдии и Нероне / В.И. Модестов – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 47 с.

ISBN 978-5-4241-9498-6

ISBN 978-5-4241-9498-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

хожденія: онѣ напечатаны Веберомъ въ его *Vitarum M. Annaei Lucani collectarum part. III.* (Marb. 1858). Изъ новыхъ сочиненій, разсматривающихъ жизнь Лукана, можно указать на *Études sur les poètes latins de la décadence* Низара (Paris, 1834, т. II), на трудъ Вебера, который въ *particula II* исследовалъ жизнь этого поэта по годамъ, какъ то съ давнихъ поръ дѣлается относительно наиболѣе замѣчательныхъ древнихъ писателей, и на сочиненіе Генте (*Genthe*): *De M. Annaei Lucani vita et scriptis* (Berl. 1859). Въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. была напечатана въ 1873 г. (Отд. класс. фил. стр. 128 слд.) статья о Луканѣ, гдѣ сдѣланы указанія на нѣмецкую ученую литературу, касающуюся біографіи этого поэта.

Луканъ принадлежалъ къ плодовитымъ писателямъ въ римской литературѣ. Его литературная дѣятельность началась съ самой ранней юности, *tempus in annis*, какъ выражается Стацій въ стихотвореніи на день рожденія Лукана, посвященномъ молодой вдовѣ покойнаго поэта (*Silv.*, II, 7, 54). Начало всему было положено поэмой о Троянской войнѣ, *Iliacos* (*libri*), какъ она называется у Вакки, вслѣдъ за которою тѣмъ же біографомъ приводится цѣлый рядъ другихъ произведеній, какъ-то: *Saturnalia*, *Catachthonion* (*libri*), 10 книгъ *Silvarum*, трагедія Медея, оставленная, по замѣчанію біографа, не оконченною, *Salticae fabulae* въ 14 книгахъ и, наконецъ, Эпиграммы, если только вѣрно прочтенъ текстъ дошедшей до насъ біографіи. Это произведенія, писанныя стихами. Но Луканъ также рано упражнялся и въ прозѣ. Изъ этого рода сочиненій были извѣстны его рѣчи въ защиту и противъ Октавія Сагитты, разумѣется, не дѣйствительныя рѣчи, а декламация, въ видахъ упражненія на пикантную современную тему, гдѣ дѣло шло объ убійствѣ народнымъ трибуномъ страстно любимой, но холодной къ нему, женщины ¹⁾; кромѣ того, сочиненіе объ извѣстномъ римскомъ пожарѣ 64 года по Р. X.—*de incendio urbis*, и какія-то письма изъ Кампаніи. Но отъ всѣхъ этихъ произведеній какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ не осталось до нашего времени почти ровню никакого слѣда. Нѣкоторое поясненіе къ указаніямъ Вакки о потерянныхъ для насъ сочиненіяхъ Лукана можетъ дать упомянутое стихотвореніе Стація, гдѣ рѣчь идетъ о литературной дѣятельности нашего поэта, но вообще вопросъ о потерянныхъ сочиненіяхъ Лукана принадлежитъ къ самымъ неблагоприятнымъ въ наукѣ, такъ какъ, при отсутствіи положительныхъ данныхъ,

¹⁾ Исторія этого убійства разсказана Тацитомъ въ *Летописи* (XIII, 44).

мы не только лишены возможности возстановить ихъ содержаніе, но даже едва можемъ стоять за тѣ заглавія, какія я привелъ вамъ изъ біографіи Вакки по изданію Рейффершейда. Желających ближе ознакомиться съ положеніемъ вопроса я отсылаю къ упомянутой статьѣ Журн. Мин. Нар. Просв.

Всѣ вышепоименованныя и не дошедшія до насъ сочиненія рано умершаго поэта принадлежали ко второстепеннымъ его произведеніямъ и служили, по словамъ біографа, лишь прибавкою къ его главному сочиненію, которое дошло до насъ вполне, на сколько оно было обработано поэтомъ и на которомъ основывается вся его слава. Это эпическая поэма въ 10 книгахъ, извѣстныхъ своимъ содержаніемъ междуособную войну Кесаря съ Помпеемъ, исходъ которой былъ рѣшенъ знаменитой битвой при Фарсалѣ, въ Фессаліи, въ 706 г. отъ основанія Рима (48 г. до Р. Х.), окончившейся полнымъ пораженіемъ Помпея. Обыкновенное названіе, какое носитъ въ изданіяхъ поэма Лукана, есть Фарсалия (Pharsalia), какъ, впрочемъ, поэтъ и самъ называетъ ее въ одномъ мѣстѣ (IX, 985), но въ рукописяхъ она озаглаживается Междуособная война (Bellum civile), — заглавіе, которое и употребляется нѣкоторыми новыми учеными. Поэту не пришлось окончить свое произведеніе, о которомъ онъ думалъ и въ послѣднія минуты жизни. Будучи обнародовано послѣ его смерти, оно было встрѣчено римской публикой съ энтузіазмомъ, какъ это засвидѣтельствовано важнѣйшими представителями поэтической литературы слѣдующаго поколѣнія, Стаціемъ (Silv. II, 7) и Марціаломъ (Epigr. VII 20, 21 и 22). Огромное распространеніе этого сочиненія въ древнемъ мірѣ говоритъ въ пользу того, что успѣхъ его не былъ мимолетный. И дѣйствительно, при всѣхъ своихъ недостаткахъ Фарсалия есть крупное произведеніе римской литературы, и во всякомъ случаѣ самое блестящее, какое римская эпическая поэзія произвела послѣ Виргилія.

Но, собственно говоря, поэма Лукана есть не что иное, какъ написанная стихами исторія борьбы Кесаря съ Помпеемъ. Разказана борьба эта въ томъ же хронологическомъ порядкѣ, какъ она разказывается и въ историческомъ повѣствованіи, и даже съ соблюденіемъ исторической вѣрности въ передачѣ событій, украшаемыхъ тутъ лишь рѣчами, описаніями и нравственными размышленіями. Поэтому нѣтъ пужды и разсматривать содержаніе поэмы, такъ какъ это просто значило бы разказать съ разными отступленіями извѣстныя событія римской исторіи съ того момента, какъ Кесарь, не желая уступить

Помпею и олигархической партіи, перешелъ Рубиконъ, чѣмъ была начата междоусобная война, до того, когда онъ, осажденный въ Александріи, подвергся крайней опасности въ борьбѣ съ вспыхнувшимъ противъ него восстаніемъ египтянъ. Сущность поэмы обнаруживается не въ содержаніи, которое у нея обще съ исторіей, а въ способѣ наложенія этого содержанія, въ тѣхъ многочисленныхъ и патетическихъ рѣчахъ, которыя онъ влагааетъ въ уста дѣйствующимъ лицамъ, въ описаніяхъ, нравственныхъ размышленіяхъ и вообще въ приложеніи къ обработкѣ историческаго сюжета приемовъ риторской декламации, которая была въ такой модѣ у современнаго ему поколѣнія литераторовъ. Эпической поэмы въ собственномъ смыслѣ Фарсалия не представляетъ. Тутъ нѣтъ ни эпическаго сюжета, нуждающагося въ извѣстномъ просторѣ фантазій, какой допускали сюжеты изъ временъ героическихъ, ни эпическаго единства, ни эпическихъ характеровъ, свойственныхъ героямъ полумифическаго времени. Между гражданскою войною Кесаря съ Помпеемъ и временемъ автора протекала всего какаинибудь сотня лѣтъ, въ теченіе которой еще не успѣли совсѣмъ стереться живыя воспоминанія о людяхъ, бывшихъ въ этой войнѣ дѣятелями: какое же тутъ могло быть мѣсто для эпоса, которая требуетъ и отдаленнаго времени и, какъ мы сказали, свободнаго поприща для эпической фантазій! Но за то трудно было бы Лукану найти въ римской исторіи болѣе благодарную почву для приложенія къ дѣлу своего декламаторскаго дарованія, какъ именно эта междоусобная война, въ которой рѣшался вопросъ о существованіи республики. Необыкновенная важность историческаго момента, выступающаго въ произведеніи Лукана, позволяла поэту принять высокій тонъ и не щадить риторическихъ средствъ, чтобы поддержать его, особенно размышленіями, которыя, съ своей стороны, доставляли для декламации богатую матерію; цѣлый рядъ крупныхъ историческихъ личностей, какъ Кесарь, Помпей, Катонъ, Брутъ, Секстъ Помпей, давалъ возможность ввести въ разказъ множество сильныхъ рѣчей; участвовавшія въ событіяхъ женщины, какъ Марція, жена Катона, Корнелія, жена Помпея, давали особый поводъ къ патетическимъ мѣстамъ, которыя играютъ столь важную роль въ приемахъ риторской декламации; военныя дѣйствія, происшедшія на разныхъ театрахъ войны—въ Италиі, въ Испаниі, въ Галліи, въ Эпирѣ, въ Фессалии, въ Ливіи, въ Египтѣ, открывали широкій просторъ для описаній, въ духѣ Александрійскаго эпоса, наконецъ политическій характеръ сюжета, очень близкаго современному обществу, открывалъ множество

случаевъ для проявленія гражданской доблести, для выраженія негодованія противъ тиранніи, для восхваленія свободы, для прославленія подвиговъ мужества и самоотверженія.

Но было бы напрасно думать, что, избирая такой именно сюжетъ, Луканъ руководился, съ самаго начала политической тенденціей, что онъ на изображеніи борьбы Кесаря съ Помпеемъ думалъ развить идею борьбы за свободу съ тиранніей. Все заставляетъ предполагать, что первоначальная цѣль сочиненія была чисто литературная. Въ биографіи поэта, написанной Светоніемъ, ярко выступаетъ фактъ его благородной ревности къ Вергилію, который въ своемъ Комарѣ, въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ произведеній, представилъ столько поэтического дарованія, что Луканъ, сравнивая съ Комаромъ свои первые опыты, *initia sua*, со скорбію говорилъ: „Сколько мнѣ еще остается до Комара!“ *Et quantum mihi restat ad Cullicem!* Несомнѣнно, что Луканъ прежде всего хотѣлъ большою поэмою на чисто римскій сюжетъ создать себѣ памятникъ литературной славы, который до нѣкоторой степени приближался бы къ тому, какой создалъ себѣ Вергилій своею Энеидой. Нѣтъ, разумѣется, основанія думать, что Луканъ былъ человекъ безъ политическаго направленія, что политическая свобода была для него дѣло равнодушное; но мы видимъ, что въ первыхъ трехъ книгахъ, которыя были изданы самимъ поэтомъ, нѣтъ ничего похожего на ту страстную любовь къ свободѣ, которая одушевляетъ его въ послѣднихъ четырехъ книгахъ. Въ первыхъ трехъ книгахъ Луканъ не скупится на похвалы и даже на лесть Нерону. Лесть эта доходитъ до того, что онъ, выражая свой ужасъ передъ междоусобными войнами, готовъ примириться съ ними, если эти страшныя схватки гигантовъ нужны были для того, чтобы со временемъ осуществилось высокое назначеніе Нерона. „Тогда, о боги“,—говоритъ онъ,—„мы нисколько не ропщемъ; за такую цѣну намъ нравятся самыя злодѣянія и нечестіе“¹⁾. Онъ не останавливается и передъ выраженіемъ ожиданія, что Неронъ послѣ смерти войдетъ въ сонмъ бессмертныхъ. Мѣста эти нисколько не говорятъ о

¹⁾ Phars. I, 33:

Quodsi non allam venturo fata Neroni
Invenere viam, magnoque aeterna parantur
Regna deis, caelumque suo servire tonanti
Non nisi saevorum potuit post bella Gigantum,
Iam nihil, o superi, querimus: scelera ipsa nefasque
Nos mercede placent.

томъ, что поэтъ, приступая къ поэмѣ, имѣлъ цѣль политическую и притомъ въ смыслѣ оживленія въ публикѣ воспоминаній о республиканской свободѣ, утраченной въ битвѣ при Фарсаль. Его любовь къ этой свободѣ начинается ясно сказываться лишь съ шестой книги, гдѣ Помпей является у него уже борцомъ за „права міра“ (VI, 139), въ особенности съ седьмой, гдѣ онъ видитъ въ Кесарѣ прямо гонителя свободы, которая „ушла за Рейнъ и Тигръ“ съ тѣмъ, чтобы уже никогда не возвращаться въ Римъ (ст. 432 слд.). Этимъ языкомъ поэтъ заговорилъ уже тогда, когда испыталъ на себѣ деспотическія замашки Нерона и когда пылалъ жаждой мести къ своему оскорбителю. Теперь дѣло Кесаря казалось ему столь ужаснымъ, что онъ готовъ завидовать участи народовъ, никогда не знавшихъ свободы. „Счастливы“, говоритъ онъ (VII, 442),— „арабы, индіане и восточная земля, которую судьбы всегда держали подъ игомъ тиранповъ!“ Участъ же римлянъ хуже всѣхъ потому, что они не могутъ безъ стыда переносить рабство.

Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что уже и въ первыхъ трехъ книгахъ авторъ Фарсалии не обнаруживаетъ расположенія къ Кесарю и что онъ стоитъ своимъ сочувствіемъ на сторонѣ Помпея, Катона и Брута, будущаго убійцы Кесаря. Рисуя въ первой книгѣ (ст. 143 и слд.) портретъ этого послѣдняго, онъ заявляетъ, что у него не было ни такого громкаго имени, ни такой славы полководца, какъ у Помпея, но за то это былъ человѣкъ, который ни передъ чѣмъ не останавливался въ своихъ стремленіяхъ и у котораго былъ одинъ стыдъ: не остаться на войнѣ побѣдителемъ, *solusque pudor non vincege bello*. Кесарь рисуется далѣе человѣкомъ, который рвался къ цѣли на-проломъ, настойчиво требуя у боговъ себѣ споспѣшествованія, опрокидывая все, что стояло ему на дорогѣ въ достиженіи высшей власти, и весело прокладывая себѣ путь къ ней разрушеніемъ. Во второй книгѣ (ст. 439 и слд.) Луканъ еще рѣзче высказывается о страсти Кесаря къ войнѣ, увѣряя, что ему пріятно ходить только тамъ, гдѣ имъ пролита кровь, что ему пріятнѣе взломать ворота, чѣмъ входить въ открытыя, что ему не такъ нравится истоптать нивы, къ чему поселянинъ относится терпѣливо, какъ опустошить ихъ огнемъ и мечемъ: ему, будто-бы, стыдно идти дозволеннымъ путемъ и казаться гражданиномъ. Въ то же время, уже въ этихъ первыхъ трехъ книгахъ Луканъ не скрываетъ своего расположенія къ Помпею, называетъ его постоянно не иначе, какъ Великимъ, и, сопоставляя его съ Кесаремъ, прямо говоритъ (II, 453),

что симпатіи народа были больше на сторонѣ Помпея (*propior in Magnum populus*). Не скрываетъ также авторъ въ первыхъ книгахъ своей поэмы и своего благоговѣнія передъ Катономъ, который не колебался стать на сторону побѣжденнаго, хотя на сторону побѣдителя стали боги (I, 128):

Victrix causa deis placuit, sed victa Catoni.

Даже и Брутъ, похвала которому такъ дорого обошлась Кремутио Корду при Тиберіѣ, является у Лукана уже въ первыхъ книгахъ лицомъ, импонирующимъ своимъ нравственнымъ характеромъ, «великодушнымъ» Брутомъ, который готовъ, вмѣстѣ съ Катономъ, умереть въ послѣдней борьбѣ за свободу.

Первыя три книги, какъ мы сказали, были изданы самимъ поэтомъ и написаны были имъ еще въ то время, когда онъ былъ близокъ къ Нерону. Объ этомъ намъ свидѣтельствуетъ біографъ Вакка, который, согласно съ Тацитомъ (Ann. XV, 49), послѣдовавшій затѣмъ разрывъ поэта съ императоромъ прямо приписываетъ литературному успѣху, достигнутому, безъ сомнѣнія, всего болѣе этими книгами эпической поэмы. Слѣдующія семь книгъ этой послѣдней были написаны поэтомъ уже въ другомъ настроеніи, и это настроеніе въ 7-й книгѣ, въ которой разказывается о битвѣ при Фарсалѣ, переходитъ въ явную рѣзкость приговоровъ о родоначальникѣ дома Кесарей и внушаетъ автору самыя пламенныя рѣчи въ защиту свободы. Тутъ Кесарь, воодушевляющій своихъ воиновъ, называется *rabies populls stimulusque furorum* (ст. 557), а побѣда его возмѣщается какъ неисцѣлимая рана, нанесенная въ сердце народа, отъ которой этотъ послѣдній никогда не поправится до скончанія вѣка (VII, 640):

in totum mundi prosternimur aevum.

Теперь поэтъ уже не боится прямо восхвалять Брута, «послѣднюю надежду сената», какъ лицо, отъ руки котораго палъ протомъ побѣдитель при Фарсалѣ (VII, 588 и слѣд.), гдѣ «погибла вся краса отечества» (VII, 597). Въ восьмой книгѣ (ст. 609 — 610) онъ даже съ негодованіемъ говоритъ о тѣхъ, которые подвигъ Брута назвали злодѣяніемъ (*nefas*). Въ десятой книгѣ (341 и слѣд.) онъ проситъ судьбу не допустить Кесаря пасть отъ руки александрійскаго убійцы, чтобы голова римскаго тирана не была отрублена въ отсутствіе Брута и чтобы такимъ образомъ не пропалъ примѣръ для потомства. Наконецъ, онъ заявляетъ, что до тѣхъ поръ, пока мечи сенаторовъ не будутъ вонзены во внутренности Кесаря, Помпей останется не отомщеннымъ (X, 528 —

529). Рядомъ съ этимъ идутъ въ шести послѣднихъ книгахъ рѣшительныя заявленія сочувствія Помпею, который, по приведеннымъ раньше словамъ поэта, стоялъ за «права міра» (VI, 13). Пораженіе Помпея при Фарсала для поэта—столь тягостное, столь горькое событіе, что онъ не хочетъ о немъ и разказывать (556):

Quidquid in hac acie gessisti, Roma, tacebo.

Горячія фразы о свободѣ начинаются уже съ четвертой книги. Онъ говоритъ (807): „Римъ былъ бы, конечно, счастливъ и имѣлъ бы довольныхъ гражданъ, еслибы богамъ такъ была пріятна забота о свободѣ, какъ о мщеніи“. Нападая на похитителей свободы, онъ не оставляетъ въ покоѣ ни „моцнаго Суллы“, ни „жестокаго Марія“, ни „кровожаднаго Цинна“, ни цѣлаго „ряда членовъ дома Кесарей“ (IV, 821 и слѣд.). Въ первой книгѣ (385—386) онъ, съ ѣдкою ироніей говоритъ о лжи раболѣпныхъ названій, какія римляне, со времени диктатуры Кесаря, придаютъ своимъ властителямъ. Онъ груститъ о томъ, что свобода, ушедши изъ Рима и сдѣлавшись достояніемъ германца и скива, уже не оборачиваетъ болѣе своего взора на Авзонію (VII, 435). Воодушевляясь все болѣе и болѣе идеей свободы, онъ позволяетъ себѣ, наконецъ, сдѣлать рѣзкую выходку противъ самого Нерона, запрещаая ему налагать изъ зависти руку на священную славу поэта, и тутъ же говоритъ, что поэма его будетъ жить, и слава его никогда не затмится (IX, 486):

Pharsalia nostra

Vivet, et a nullo tenebris damnabimur aevo.

Даже изъ тѣхъ немногихъ мѣстъ, какія я привелъ вамъ, нельзя не видѣть, что поэма Лукана написана съ блескомъ, живостью и даже страстностью, что спокойнаго тона эпоса тутъ нѣтъ. Это первый ея недостатокъ, хотя и такой, который правился его современникамъ. Далѣе мы видимъ, что въ поэмѣ этой нѣтъ единства дѣйствія, нѣтъ даже главнаго героя. Читатель не можетъ уловить идеи, которая проникала бы все произведеніе, и не знаетъ, кого онъ долженъ считать за первенствующее въ ней лицо: автору видимо хочется сдѣлать главнымъ лицомъ поэмы Помпея, но на самомъ дѣлѣ такимъ лицомъ выходитъ Кесарь, который всюду является главною пружиной дѣйствія въ избранномъ поэтомъ сюжетѣ, даетъ тонъ движенію, тогда какъ Помпей, не смотря на всѣ приписываемыя ему добродѣтели, блѣднѣетъ и не можетъ оправдать своего постоянного эпитета *Magnus*. Слабая сторона поэмы открывается также въ обрисовкѣ характеровъ. При-

страстное недоброжелательство къ Кесарю и не потивированное фактами восхищеніе Помпеємъ бросаются въ глаза и производятъ на читателя непріятное впечатлѣніе, во всякомъ случаѣ совсѣмъ не то, какое имѣлъ въ виду авторъ поэмы. Да и другія дѣйствующія лица не могутъ похвалиться живо и рельефно очерченными характерами. Волѣе удачному ихъ изображенію, безспорно, мѣшало то обиліе риторическихъ красокъ, которое придаетъ поэмѣ извѣстный виѣшний блескъ, но никакъ не уживается съ художественною правдой и естественностью. Общее впечатлѣніе поэмы таково, что читатель видитъ передъ собою руку автора, не достаточно зрѣлаго, но несомнѣнно даровитаго и перѣдко блестящаго. Незрѣлость автора ясно видна не только въ слабости его политическаго міросозерцанія, но и въ неумѣнн придать ходу разказываемыхъ событій больше внутренней связи и причинности. Талантъ его высказывается въ блестящихъ описаніяхъ, въ живости изложенія, въ бойкости, съ какою онъ пользуется риторическими средствами для того, чтобы придать разказу больше движенія, или чтобы произвести въ данномъ случаѣ на читателя болѣе сильное впечатлѣніе. Но при этомъ ему недостаетъ ни надлежащей гибкости и ясности языка, затемяемаго еще стремленіемъ блистать ученостью на манеръ александрійскихъ поэтовъ, ни плавности стихосложенія, какой можно бы было ожидать отъ римскаго эпическаго поэта послѣ Virgilia. Быть можетъ, еслибъ поэма Лукана дошла до насъ въ оконченомъ и отдѣланномъ видѣ, впечатлѣніе ея на насъ было бы болѣе благопріятно. Поэтому судить ее съ большою строгостью мы не имѣемъ полнаго права. Во всякомъ случаѣ мы не должны забывать, что въ древности она пользовалась большимъ вниманіемъ публики и читалась съ удовольствіемъ.

Но и древніе критики не относятся къ Лукану съ безусловною похвалою. Сужденіе Квинтилиана о немъ мѣтко и интересно. „Луканъ“, говоритъ онъ (X, I, 90),— „пылокъ, полонъ возбужденія и замѣчательнъ по мыслямъ, но, чтобы сказать то, что я думаю, онъ болѣе долженъ служить предметомъ подражанія для ораторовъ, чѣмъ для поэтовъ“. Петроній (Sat. 118) находитъ, что онъ напрасно взялся за поэтическое изложеніе историческихъ дѣяній, такъ какъ эту работу гораздо лучше выполняютъ историки, *quod longe melius historici faciunt*. То же мнѣніе высказываетъ и схолиастъ Лукана, приступая къ объясненію его. Значить, мнѣніе это было ходячимъ между писателями. Его мы встрѣчаемъ и у Virgiliaeva комментатора Сервія, который даже прямо говоритъ (ad Aen. I, 382), что Луканъ не стоитъ

того, чтобы его считали поэтомъ, такъ какъ онъ пишетъ „исторію, а не поэму“. Тотъ же взглядъ мы встрѣчаемъ у самыхъ позднихъ писателей, какъ-то: Исидора (Orig. VIII, 7, 10) и Юрианда (De reb. Get. 5).

Текстъ Фарсалинъ дошелъ до насъ въ многочисленныхъ спискахъ, между которыми нужно отмѣтить прежде всего дошедшіе до насъ, какъ думаютъ, отъ IV вѣка листы палимпсеста, находящіеся частію въ Римѣ, частію въ Неаполѣ и частію въ Вѣнѣ. Объ этомъ палимпсестѣ по вѣнскимъ его листамъ писалъ въ 1860 г. В. Штейнгартъ: *De Lucani schedis rescriptis Vindobonensibus*, а римскіе и неаполитанскіе листы, вмѣстѣ съ вѣнскими осматривалъ Детлефсенъ, который и написалъ по этому поводу три статьи въ *Philologus* 1858, 1859 и 1867 гг. Важнѣйшимъ и основнымъ кодексомъ для новѣйшихъ изданій Лукана служатъ рукопись XI столѣтія, находящаяся въ Монпелье (cod. *Montepessulanus*), обозначаемая въ изданіяхъ бувою М, и рядомъ съ нею два лейденскіе списка (А и В) X столѣтія, но хуже сохранившіе текстъ поэта. Редакція текста, съ котораго списаны всѣ три рукописи, принадлежитъ Павлу Константинопольцу, какъ показываетъ приписка къ кодексу въ Монпелье. Разъясненіемъ этихъ вопросовъ мы обязаны изслѣдованіямъ Штейнгарта: *De emendatione Lucani* (Воннае, 1854) и *De Lucani codice Montepessulano* въ *Symbola philologorum Bonnenstium in honorem Frid. Ritchelli collecta* (Lipsiae, 1864). Подробнѣе объ этихъ трудахъ говорится въ статьѣ филологическаго отдѣла Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г., о которой было говорено раньше. Послѣ указанныхъ рукописей хорошей редакціи мало заслуживаетъ вниманія множество другихъ рукописей, испорченныхъ повидѣнныи вставками.

Сохранились древнія схоліи (комментаріи) къ Лукану, лучшее изданіе которыхъ принадлежитъ Узенеру. Онѣ изданы подъ заглавіемъ: *M. Annaei Lucani commenta Bergensia* (Lipsiae, 1869). Изданы, кромѣ того, схоліи нѣкъ кодекса, находящагося въ Монпелье, Герм. Генте: *Scholha vetera in Lucanum e codice Montepessulano* (Berol. 1868).

Изданій Лукана было не мало. Первое вышло въ Римѣ въ 1469 г. Изъ старинныхъ изданій болѣе другихъ обращаютъ на себя вниманіе голландскія изданія: Пульмана (Антверпенъ, 1564), Г. Грота (Антверпенъ, 1614 и Лейдевь, 1626), Корте (Лейдевь, 1826), Удендориа (Лейдевь, 1728) съ древними схоліями, Бурмана (Лейдевь, 1740). Англійское изданіе съ примѣчаніями Вентля къ тремъ первымъ кни-

гамъ вышло въ 1760 г., потомъ въ 1816 г. въ Глазгоу. Изданія нашего столѣтія: Вебера со школами (Лейпцигъ, 1821—1831), Лемэра (Парижъ, 1836), Вейзе (Кведлинбургъ, 1835).

Въ послѣднее время относительно поэмы Лукана вышли слѣдующія изслѣдованія Трампе: *De Lucani arte metrica* (Berol. 1884), Обермейера, *Der Sprachgebrauch des Lucanus* (München, 1886); Souciau, *Du merveilleux de l'histoire dans Lucain* въ *Revue de l'histoire des religions*, XIV; Perrin, *Lucan as a historical source for Appian* въ *American Journal of Philology* 1884 (№ 19).

Рядомъ съ Луканомъ стоитъ передъ нами другой поэтъ Нероновскаго времени, сверстникъ его и школьный товарищъ, умершій, какъ и пѣвецъ Фарсалин, также въ очень молодыхъ лѣтахъ, но болѣе его симпатичный и чистый, А. Персіей Флаккъ. Онъ, по указанію его древней біографіи, принадлежащей Валерію Пробу ¹⁾, родился 4-го декабря 34 года по Р. Х. (787 Рима), въ этрусскомъ городѣ Волатеррахъ, происходилъ изъ всадническаго сословія и находился въ родственныхъ связяхъ съ людьми сенаторскаго сословія. Отецъ его умеръ очень рано, оставивъ сына почти шестилѣтнимъ ребенкомъ. Мать его, Фульвія Сизеннія, вышедшая другой разъ замужъ за римскаго всадника Фузія и вскорѣ похоронившая и его, дѣятельно принялась за воспитаніе сына. До двѣнадцатаго года онъ учился въ Волатеррахъ, а затѣмъ отвезенъ былъ матерью въ Римъ, гдѣ въ школѣ Реміія Палемона получилъ грамматическое образованіе, а въ школѣ Вергивія Флава риторическое. Достигши шестнадцатилѣтняго возраста, онъ подружился съ философомъ стоической секты Аннеемъ Корнутомъ, который сдѣлался его руководителемъ и посвятилъ его въ начала стоической философіи. Такимъ образомъ, онъ прошелъ у хорошихъ учителей весь курсъ образованія, какой требовался для того, чтобы считаться по тому времени человѣкомъ вполне образованнымъ. Въ ранней юности—я продолжаю пользоваться краткими свѣдѣніями, сообщенными древнимъ біографомъ,—друзьями поэта были (лирическій) поэтъ Цезій Вассъ, о которомъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ свое время, и Кальпурній Статура, который умеръ юношей, еще при жизни Персія. Извѣстнаго историка и оратора (см. Тас. Анн. XIV, 19), Сервилія Новіана, который умеръ тремя годами раньше Персія, поэтъ почиталъ, по словамъ біографа, какъ отца. Черезъ Кор-

¹⁾ Она обыкновенно печатается въ изданіяхъ поэта. См. ее въ изданіяхъ *Отто Яна* и у *Рейсфершайда* въ его изданіи отрывковъ Светонія.